

Содержание

Лодку качало	3
Сердце летчика не бьется	37
Гуревич	51
Грушевая дурочка	70
Другая любовь	95
Мадам Левомеколь.....	119
Тринадцатая малышка	188
Катя.....	214
Муравьи.....	250
Часовщик	261
Водопад	270

Лодку качало

Лодку качало. Они лежали, тесно прижавшись друг к другу, и раскачивались из стороны в сторону. Море убаюкивало. Сон накрывал плотным одеялом, но оно все время соскальзывало. Вверх, вниз, вверх, вниз.

Новые туфли перекатывались из одного угла каюты в другой. Мара в полусне волновалась, не началась ли шторм, но проснуться не могла. Она еще плотнее вжималась в бок мужчины, находила его руку, плечо, щеку и терлась лицом. Сознание штопором уходило в тугую морскую глубину.

Идти можно было, только цепляясь за снасти. Нога вдруг неловко вывернулась. Мара схватилась за канат, но лодка накренилась с неожиданной силой. Не удержавшись, Мара, словно в замедленной съемке, перевалилась за борт.

Волна ударила наотмашь. Но, погрузившись с головой, Мара вдруг поняла, что может открыть глаза

и оглядеться. Дышалось свободно. Вода была спокойной, теплой и чуть солоноватой. Внезапно кто-то крепко обхватил ее сзади, прижавшись всем телом, и накрутил ее длинные волосы на кулак.

«Морской черт», — подумала она и с усилием повернула голову, пытаясь его разглядеть. Но за ней никого не было — лишь прозрачная зеленоватая вода. «Странно», — удивилась Мара, ведь она явно чувствовала жар тела сзади. И это было приятно. Она чуть раздвинула ноги, жар проник внутрь нее и принялся двигаться, понемногу ускоряя темп. Вверх, вниз, вверх, вниз.

Открыла глаза, все еще чувствуя его последние конвульсивные толчки в себе. «Как хорошо», — сказала она. Легла на спину и пошарила рукой по кровати. Никого. Села, поставив ступни на прохладный пол, и подумала, что всю жизнь ей снятся сны во сне — двойные или даже тройные, — один последовательно выплывал из другого.

Часы в темноте показывали восемь. Пора вставать, надо успеть в лабораторию до девяти. Кротов ворочается в беспокойном утреннем сне в соседней комнате. Она дома. И никакой качки. Они с Бурой не ходили в море уже несколько месяцев.

Автобус передвигался в пробке толчками, смутно напоминая сон под утро. Мара держалась за поручень, почти повиснув на нем. Она вчера звонила

Буре, но украдкой. На земле всегда было так — украдкой говорили, целовались, любили. В море же — совсем по-другому: громкий смех, движения широкие, размахистые; даже платья и рубашки падали на пол намного быстрее, не задерживаемые молниями и застежками. «Пора уже в море», — подумала Мара и шагнула из автобуса на замедляющий свой бег асфальт. Она любила выскакивать на ходу — в такие секунды устойчивая земля вдруг могла покачнуться, напомнив ей любимую водную стихию.

Все три мужа были «пойманы» Марой на воде. Хотя она их и не ловила. Скорее, они сами заплывали в ее свободные широкие развевающиеся на ветру юбки, запутывались в этих тонких сетях, пока она уверенно стояла на носу корабля, обнажив в улыбке крупные зубы и отводя от лица рыжие волосы.

Миша был барменом на теплоходе — таскал ей, голодной студентке, плавленые сырки «Волна» и крымский портвейн. Один раз взял с собой в плавание от Москвы до Питера, и ей запомнилось, что они все время стучались зубами, когда целовались ночью на палубе. Через три месяца она вышла за него замуж. Свадьбу отмечали на теплоходе — бурно, весело, с падениями за борт. Мара хохотала, выжимая мокрые волосы. Она и не подозревала, что жених — вовсе не плутоватый бармен Миша, а что она навеки обручилась со стихией. Погиб Миша очень скоро

и нелепо: разъяренный пьяный пассажир ударил его полупустой бутылкой портвейна, неудачно попав в висок.

Дима рисовал парусники. И носил длинные волосы и спущенные ниже резинки трусов джинсы. Попа у него была маленькая, крепкая, очень мужская. Мара влюбилась сначала именно в нее (Дима стоял впереди в очереди за красками), потом в самого Диму, а затем окончательно и бесповоротно — в его картины с белыми гордыми парусами во все полотно. Но тогда в магазине они даже не переглянулись — он купил несколько тюбиков белил и ушел, не заметив заинтересованного взгляда Мары. Он вообще, как потом выяснилось, мало на кого обращал внимание — ходил погруженный в мысли, или, вернее, в художественные замыслы.

Познакомились они через день. Совершенно случайно. В угоду неслучайным закономерностям жизни. Мара пришла в гости к Кильке (так звали ее подругу, тоже архитекторшу, тощую высокую девушку с кривыми зубами, обладающую талантом собирать вокруг себя интересные компании). И первое, что увидела, переступив порог гостиной, — уже знакомые, приспущенные джинсы, из которых вверх выростал треугольник спины с широким размахом плеч. Мара зажмурилась и снова открыла глаза — нет, он был одет, но она явственно видела его голым.

Дима вдруг обернулся, скользнул по ней взглядом, а затем вернул свое выразительное молчание разговорчивому собеседнику.

Напрасно Мара весь вечер становилась и садилась так, чтобы показать себя. Напрасно преувеличенно громко хохотала, запрокидывая голову назад. Дима не смотрел на нее. «Бесполезно, — усмехалась Килька, видя все ее манипуляции, — твоя „конструкция“ его не интересует».

Вечером пьяная компания с гиканьем и воплями загрузилась в речной теплоходик. Разрезая масляно-чернильную Москву-реку, он плыл под грохот музыки. Все плясали, а Дима сидел на палубе и курил. Мара подошла и молча села рядом. Над ними были звезды, а под ними вода. И она вдруг запела. Сначала ее голос был еле слышен, но постепенно он набирал силу, рос и ширился, а грохот музыки наоборот затихал, уходил куда-то вдаль.

Правда, она не разжимала губ — ведь у нее не было ни голоса, ни слуха. Она пела про себя, как делала всегда. И все пришло в движение. Выглянул месяц, качнулся и побежал за ними. Серебристая вода забурлила. Время от времени слышались всплески и быстрые тени скользили рядом с теплоходом. Дима повернулся к Маре, заглянул в лицо, с минуты зачарованно смотрел, а потом вдруг наклонился и поцеловал.

Но море забрало и Диму, оставив Маре лишь его картины. Тогда она еще не распознала горькой закономерности, спрятавшейся под личину трагической случайности. Дима утонул в Феодосии, куда они все той же компанией отправились отдохнуть летом после свадьбы, больше похожей на обыкновенную попойку.

Вечерами он уходил гулять вдоль берега и один раз не вернулся. Нашли его на следующий день за пару километров от того местечка, где они жили. У него было спокойное задумчивое лицо, совсем как у живого, и Мара кричала в голос, пытаясь его разбудить, но ее оттащивали за руки, и кто-то даже отхлестал по лицу так, что сосуды полопались в обоих глазах. Килька, пьяная и зареванная, утверждала, что он ушел от Мары вслед за мечтой, но она тоже, как и сама Мара, в силу своей человеческой природы видела не весь узор жизни, а только лишь малый ее фрагмент.

Кротов носил Мару на руках с первого дня знакомства. Усатый обаятельный капитан заметил ее (как признался потом), когда она только шла по пристани к его «Федору Достоевскому» в длинной цыганской юбке, с растрепанными волосами и независимым видом. Она тоже заметила белый китель на второй палубе и подумала, что у них будет роман (в чем ему так и не призналась). Ей было несвой-

ственно много думать и говорить, но она прекрасно улавливала тонкие телесные вибрации.

А носить на руках пришлось, потому что она, как обычно, была совсем плоха в первые дни. С детства Мару тошнило даже от вида качающихся предметов. Машины, самолеты, смиренная пони, трясущая в детском парке, — все вызывало немедленный позыв. Уж не говоря о плавучем транспорте. Но она не упускала ни единой возможности оказаться на воде.

Море трепало ее жутко, будто специально придерживая яростные штормы до ее появления. Так люди обычно третируют самых близких, выплескивая на них все, что накопилось. Мару мучило, она перевешивалась за борт, ходила (точнее лежала) с землистым цветом лица, ничего не ела, но не сдавалась. Через какое-то время отпускало, и она оживала. Поймав ритм моря, она легко двигалась в нем, жила в нем, дышала вместе с ним.

Самым большим наслаждением были прыжки с борта. Она выныривала, и казалось, что ее тело покрыто чешуей, так оно блестело на солнце, но через мгновение снова уходила под воду, мелькнув на поверхности быстрыми ногами.

Забавно, но рыбы ее совсем не боялись и плавали рядом, касаясь хвостами. Так было всегда, с самого детства, и ничуть ее не удивляло. Она, конечно же, не помнила потрясенное лицо воспитательницы в дет-

ском саду, когда, подойдя к аквариуму, опустила туда руку и тотчас достала двух шустрых рыбок-гуппи — словно те сами прыгнули к ней в ладонь. И никогда не вспоминала необыкновенно удачные рыбалки двоюродного брата, рядом с которым послушно сидела на берегу до вечера, пока он с ошалелым от счастья лицом вытаскивал одну за другой. Не помнила и не задумывалась, почему без нее тому не удавалось поймать ничего, кроме двух-трех ничтожных пескариков.

Нанярившись вдоволь, Мара ложилась на спину, раскинув руки и ноги, закрывала глаза и лежала на воде, как на перине, не думая ни о чем.

Капитан был покорен. Ему все казалось прекрасным: и болезненная беспомощность, и трогательная бледность, и внезапное перерождение в смешливого, неугомонного дельфина. Он готов был жениться прямо сразу же, но не мог, так как был женат на некой Тамаре с сердитым голосом. Мара уже знала ее по недовольному рокоту из трубки, в который Кротов время от времени умудрялся вставлять: «Тамара, ну что ты... Тамара, зачем же ты так... Тамара, пожалуйста...»

С тех пор Мара сопровождала его во всех круизах, была весела и мила, а в постели выделявала такое, что Тамара могла не рокотать понапрасну — дело было в шляпе. Это был лишь вопрос времени.

Молодожены даже успели немного пожить вместе до того, как это случилось.

Кротов любил наваристые борщи, скатерть в красную клеточку, белый парусник на картине неизвестного автора, веселенькую герань на подоконнике, короткую ночь перед уходом в море и долгую, бурную — после возвращения. Мара перестала с ним плавать. С помощью знакомых он устроил ее в архитектурное бюро на полставки, она начала работать, но как-то вяло, без интереса.

Через два месяца после женитьбы Кротов вдруг повалился на штурвал всем телом, а фуражка упала с головы и покатилась колесом по рубке. «Инсульт, — констатировали врачи и спустя три недели передали его, похудевшего, постаревшего, с парализованной правой стороной тела, на руки Маре: — Больному необходим хороший домашний уход, а вам — терпение».

Кротов, беспомощный как младенец, все пытался ей что-то сказать, но выходило плохо — ни слова не разобрать. Он беспокоился, часто плакал одной стороной лица, почти не спал, а если засыпал, то метался во сне. Успокаивался, только когда Мара ложилась голая к нему под одеяло и пела, как всегда, про себя. Тогда он удовлетворенно вздыхал и проваливался, наконец, в сон.